

Н. Г. Краснодембская

ПРАЗДНИЧНОЕ ШЕСТВИЕ
В МОНАСТЫРЕ БЕЛАНВИЛЛА
И НОВАЯ ВСТРЕЧА С ДЕМОНОМ ГАРА-ЯКОЙ

Не считая праздника Весак с преимущественной буддийской символикой, у сингалов Шри Ланки есть два праздника в году, чтимых всеми, — Новый год, который приходится на 13—14 апреля, и Эсала, совпадающий по названию с месяцем, соответствующим июлю-августу европейского календаря. Поэтому можно представить себе радость этнографа, командировка которого в Шри Ланку начиналась во второй половине июля. В месяц эсала во многих монастырях и храмах проходят *перахяры*, т. е. торжественные шествия со многими участниками, главным образом в честь богов-покровителей, культ которых сопутствует буддийскому культу в мировоззрении и обрядовой практике сингалов. По-видимому, глубинный смысл праздника перахяры связан с древней календарной символикой: во всяком случае он приурочен к началу осеннего муссона. Самый торжественный ритуал этого праздника закрепился главным образом в храмах Канди и Катарагамы: в храме Зуба Будды (Далада-малигава) в бывшей горной столице последнего сингальского царства и на юге — в храмовом комплексе, связанном главным образом с именем бога Катарагама-Сканда. Именно эти перахяры собирают наибольшее число паломников и зрителей, в том числе зарубежных. Главной особенностью кандийской перахяры является «вывоз» важнейшей мировой реликвии буддистов — Зуба Будды¹, а праздник Катарагамы особенно знаменит танцами верующих на огне в честь этого могущественного и грозного божества. К сожалению, сразу стало известно (это было летом 1988 г.), что поездка на юг острова невозможна из-за действий экстремистов в этом районе. Оказалось также, что репортажи о кандийской перахяре, которые я смогла по приезду увидеть по местному телевидению, были последними: цикл праздника там уже завершался. Да и были кандийские торжества в то лето несколько омрачены и сокращены из-за смерти главного слона Раджи, который возил на себе важнейшую святыню; умер неожиданно 51 года отроду, и ему еще не было замены. Потом подобрали хорошего слоненка, чтобы растить его для этой роли в будущем, — сам президент в те дни кормил его ананасами и бананами (что тоже показывали по телевидению). А из шкуры умершего слона было решено сделать чучело.

Мое огорчение в связи с этими событиями и сетования на судьбу были услышаны чуткими, что вообще свойственно ланкийцам, сингальскими коллегам. И вот получено предложение: посетить эсала-перахяру в Беланвилле — это и недалеко от Коломбо. Коллеги убеждали, что и сама перахяра будет более «домашнего» свойства, так как посещается главным образом жителями района, и удобства мне были обещаны невероятные, так как можно стоять или сидеть у калитки дома родственников моего бывшего аспиранта (шествие проходит прямо по их улице). К тому же в промежутках между ритуалами можно отдохнуть в его собственном доме, совсем неподалеку, — жена и теща сердечно приглашают. Кто же от такого откажется?

Монастырь Беланвилла построен примерно 100 лет назад; событие это было связано с активизацией национального самосознания (на фоне антиколониальных настроений) и общим возрождением буддийской учености, традиционных духовных ценностей. По крайней мере, примерно тогда буддийские историки выяснили, что именно на этом месте был посажен один из 32 побегов того отростка древа Бо, который на заре ланкийского буддизма

был привезен на остров из Индии Сангхамиттой, миссионеркой царя Ашоки. Поэтому здесь и построили монастырь. Древо Бо, растущее рядом, действительно, огромно, раскидисто, посажено на высокой платформе, окружено красивой оградой. Сквозь высокие ворота первым справа виден храм Вишну (с соответствующей надписью над входом)², а за ним стоит древо. Вдали прямо — небольшая белая ступа, слева перед ней высокое здание *чайтья ге*³, где хранится серебряная ступа, помещены статуи Будды; к нему непосредственно примыкает жилище монахов, а напротив находится помещение для проповедей. Неподалеку от древа Бо есть небольшие храмики (девалы) богов Катарагамы, Паттини, а также демона Хуниана.

Главного монаха здесь зовут Беланвилла Вималаратана, его помощника (в миру они, кажется, были братьями) — Беланвилла Дхаммаратана. Они очень доброжелательны, приветливы. При первой встрече выделили пожилого гида, чтобы показать монастырь, рассказать о реликвиях.

Перахяра — это не однодневное шествие, праздник длится дней десять. Меня пригласили посмотреть самое торжественное ночное шествие, последнее перед заключительными ритуалами следующего дня, в частности «разрезанием воды». 27 августа под вечер мои соотечественники отвезли меня в Дехивалу, где и находится монастырь Беланвилла. Было пасмурно, влажный воздух подсвечивался розовым отблеском спрятанного за тучами заката. На подъезде к монастырю вдоль улиц стояло немало полицейских и солдат: время в стране было неспокойное, на празднике ожидалось скопление народа, приходилось специально заботиться о поддержании порядка — могли бы найтись желающие устроить и провокацию.

Сначала надо было заехать в монастырь: уточнить время, когда начнутся завтрашние обряды, — наш новый посол с женой тоже хотели их увидеть. У самых монастырских ворот нас настиг дождь — сплошной, обильный. Сквозь потоки воды по стеклам мы смотрели, как за дорогой в роще несколько слонов, — видимо, будущие участники шествия — подкреплялись ветками китумовой пальмы. До вечернего ритуала, как оказалось, оставалось часа четыре, но мне еще предстояло знакомство с семьей коллеги, ужин, теледрама из местной жизни (я старалась не пропускать эти регулярные передачи как содержательный источник этнографической информации), так что время прошло совсем незаметно.

Около десяти вечера послышался бой барабанов, и мы стали собираться: садом по мокрой после дождя густой траве отправились к дому родственников коллеги (там жила сестра мужа младшей сестры его тещи), мимо которого и должна была идти перахяра. Здесь собралась уже порядочная компания гостей (в основном родственников той или иной степени). Особенно много было детей: они уже заранее «опробовали» места наверху белого каменного забора, мальчишки — еще и на деревьях. Перахяра пришла к нам не сразу, снова пошел дождик, который потом все же мешал танцам и музыке. Все были настроены радостно, угощали друг друга жареным с перцем горошком. Гости из Ленинграда внимание оказали, как это умеют сингалы, в самую меру: вполне достаточно для радушного гостеприимства и не чересчур, чтобы утомить или сковать свободу.

Но вот отдаленный бой барабанов стал приближаться к нам. Все высыпали к калитке. Пошла перахяра. Конечно, наблюдать шествие так близко ни в Канди, ни в Катарагаме я бы не могла. Все было очень по-домашнему просто: и негромкий праздничный шум на улице⁴, мирные группы гуляющих в приличной случаю, но не слишком нарядной одежде, и скромные лотки и тачки с простыми яствами для желающих — ломтями ананасов, горохом, национальными сладостями. Продавали еще воздушные шарики в виде фигурки непонятного зверька. Хозяева дома купили один для самой младшей дочери: когда у фигурки лопнул «хвост», девочка горько заплакала, а потом долго его искала на полу. Несколько разбивало ощущение уюта вынужденное

присутствие полиции; однако солдаты стояли как-то очень спокойно, только поглядывали по сторонам. Они отличались от гулявшей публики форменной одеждой и меньшей улыбчивостью.

Признаюсь, сердце мое задрожало, когда приблизились первые барабанщики: что-то такое народное, сокровенное и не книжное, живое двигалось ко мне. Первыми шли факельщики: их было немного, они крутили в воздухе палки с горящими на обоих концах факелами. Шли буквально на расстоянии вытянутой руки от меня — улица была неширокая, так что, когда потом шли слоны, приходилось иногда слегка отступать поближе к калитке. За факельщиками следовали барабанщики с «чистыми», праздничными барабанами *магул-бэра* и праздничной же (ритуальной) «дробью». Следом — мальчики в танце с палочками (*ли-кэли*), взрослые кандийские танцоры; в костюмах у всех участников шествия главными цветами были белый и красный. Это был «пролог», как бы «очищавший» путь перахяре. Потом появились наряженные слоны: на первом же везли изображение Будды. Вскоре появилась светящаяся надпись «Беланвилла эсала-перахяра», над ней — кольцо (видимо, символ дхарма-чакры) с бегущими огоньками, как бывает в ночной рекламе. Далее сразу же шел демон Гара-яка, о котором подробнее, однако, расскажу позже.

На «главном» слоне, покрытом белой сверкающей попоной и с серебряными наконечниками на бивнях (весь он сиял и переливался), везли важнейшую реликвию монастыря — серебряную ступу. Боги-покровители были представлены в процессии и атрибутами, и персональными изображениями. «Набор» богов здесь, однако, носил индивидуальные черты по сравнению, например, с кандийской перахярой. Так, здесь он был дополнен Вишну, причем бога называли лишь этим именем (оно же было написано и над входом в его храм), не употребляя более распространенного среди сингалов и якобы аналогичного — Упулван. Вишну был представлен символом — чакрой, а также ритуальной люлькой-паланкином «рандоли»⁵. Среди символов был и лук со стрелой, ритуальный браслет Паттини. Катарагама присутствовал в своем воплощенном облики. Реликвии и символы культа богов отделялись одно от другого театрализованными «вставками»: шли различные группы танцоров, двигался акробат на одной ходуле; несли *кавади* — ритуальные «коромысла»⁶; непосредственно за Катарагамой-Скандой шли танцевальным шагом мальчики в костюмах павлинов (павлин — средство передвижения этого бога). За браслетом, символизирующим присутствие в процессии Паттини, также шли юноши и мальчики, но уже в своеобразных женских костюмах: в коротких расшитых кофточках с приподнятым на плече объемным рукавом, в штанах типа шальвар, заканчивающихся у лодыжек густыми воланами-оборками; между кофтой и штанами оставалась полоса голого тела. На головах у танцоров были платки (повязанные низко надо лбом концами назад, так что создавалось впечатление женской прически). Поверх платков были надеты головные украшения типа диадем, переливающиеся сиянием самоцветов. В целом колорит костюмов неопределенно напоминал колорит мусульманского женского (скорее всего гаремного) одеяния. В то же время по характеру одежды и манере танца возникала и ассоциация с храмовыми танцовщицами *девадаси*. Догадка подтвердилась косвенно: на мой вопрос, почему этот танец исполняют юноши, а не девушки, я получила ответ, что для последних это было бы неприлично, хотя исполнение «чистых» танцев (например, с кувшинами) или даже участие в танце с палочками в таких случаях считается для девушек вполне допустимым.

После богов, как и следовало ожидать, появились и «демоны» в самых разных масках. Здесь были и демоны болезней (из народных лечебных ритуалов), и некоторые персонажи традиционного народного театра, вроде хорошо известного *раджа-дуты* (царского гонца) и его супруги из «арсенала» театра Колам.

В шествии принимали участие *кануралы* (жрецы храмов богов-покровителей), а также и монахи, которые шли перед слоном, везшим ступу. Ехали *ниламе*⁷

с книгой-рукописью на пальмовых листьях, а также ниламе с мечом; последнему предстояла важная роль в завтрашнем ритуале «рассекания воды». Двигались также слоны без ноши, но нарядно украшенные, в сопровождении погонщиков. Дети насчитали 31 слона, всего же, как говорили назавтра в монастыре, в ритуалах участвовало 50 слонов. Слонов для перахяры предоставляют обычно верующие миряне; в беланвилльской перахяре, видимо, принимали участие и слоны-артисты слоновьего цирка, который существует при дехивальском зоопарке, очень известном в Шри Ланке и очень близком к месту описываемого события. Некоторые из этих слонов плясали под музыку, звучащую непрерывно. Инструменты были только ударные и немного духовых. Грустным новшеством в перахяре было ее завершение: за последними «демонами» ехал зеленый грузовик, полный уже не солдат, а офицеров — все с серьезнейшими лицами. Они и сопровождали шествие. А необычная серьезность лиц выглядела удивительно странно на празднике, да еще при характерной улыбчивости ланкийцев.

Кто-то побежал обгонять шествие, чтобы встретить его во второй, а то и в третий раз, мы же отправились к дому моего коллеги. Все вокруг выглядели довольными, но спокойными, не возбужденными.

После очень позднего повторного легкого ужина до следующих ритуалов можно было поспать часа четыре. Утро было без дождя, но серое и влажное; к восьми же часам дождь разошелся вовсю. Думала, что соотечественники мои не появятся в такую погоду: однако нет, около десяти зафырчал тихонько у порога автомобиль. И снова мы отправились в монастырь, где нас опять встретил вчерашний гид и повел в храм Вишну. Вокруг же понемногу шла подготовка к дневной перахяре, которая и должна была закончиться «разрезанием воды» (*дия-кяпима*). Кое-где на территории монастыря еще лакомились китуловыми ветками слоны, других уже украшали. Появлялись барабанщики, танцоры в соответствующих костюмах. Часть слонов уже отработали свое, они получали награду — охапку листьев китуловой пальмы — и уходили. Но вот начала выстраиваться процессия. В воротах слоны долго стояли гуськом, и я могла их подробно рассмотреть: удивительно симпатичные существа, так и хотелось их погладить, но не решилась. У слонов под подбородком в сбруе висело по два солидного размера колокольчика⁸, погонщики придерживали животных за довольно толстые и тяжелые цепи; в руках у них были длинные копыя, у некоторых — ножи за поясом, крюки. Слонам было скучно стоять, они переминались, смешно закладывали ногу за ногу, отдыхая.

Наконец двинулось завершающее шествие — часть слонов по-старому наряжены, а некоторые и без нарядных попон. Проводив перахяру за ворота, мы сели в машину и поехали в обход шествия, чтобы встретить его снова уже у реки; так что потом оно как бы догоняло нас. Главным в этой процессии был капурала храма Вишну (он же ниламе), державший в руке неширокий меч острием вверх. Сам ниламе, как и положено, был в костюме кандийской знати: расшитом камзоле, своеобразной шапочке, напоминающей корону кандийских царей. Не доезжая до воды, ниламе остановил слона, слез с него и дальше пошел пешком, все так же неся меч острием вверх. У самой воды из стволов молодого банана, зеленых листьев пальм и другого растительного материала был выстроен небольшой алтарь — здесь были все главные магически чистые, дарующие благо символы: кувшины с водой, цветы кокосовой пальмы, чьи соцветья напоминают рисовые колосья, горел огонь. Ниламе-капурала, отдав меч ассистентам, дул в белую раковину (так вызывают богов) — получался довольно громкий звук; читал молитвы. У берега уже стояла «лодка» (скорее похожая на плот) с кабинкой, сооруженной из шестов и занавешенной со всех сторон тканями. Ниламе с мечом и его ассистенты сошли к воде, перебрались на плот и отплыли (отталкиваясь шестами) на значительное расстояние от того места, где стояли на берегу зрители, часть которых все-таки тоже поспешила за плотом по берегу. Дия-кяпима — ритуал

тайный, так что жрецы специально следили, чтобы никто не подходил близко, даже заметили каких-то любопытных на другом берегу и попросили их удалиться. Сам главный момент ритуала — рассечение воды мечом — невозможно было увидеть за занавесками и спинами жрецов. Но, видимо, удар был довольно сильный, так как по поверхности воды из-за плота разошлись небольшие волны. Там же, судя по всему, зачерпнули кувшинами свежей воды, которая после дия-кяпима стала освященной — теперь она будет весь год храниться в храме. Собственно ритуал был закончен. На берегу разносили стаканчики с разбавленным желтым соком. Чуть вдали двое слонов ожидали своих хозяев: один слон купался, другой с аппетитом щипал траву.

Однако это был еще не конец праздничной программы. Нам сказали, что в монастыре будет устроена Гара-якума, т. е. улагодворение одного из важных персонажей сингалского культа демонов — Гара-яки. Это было чрезвычайно любопытно: и сам по себе ритуал интересный, и удивительно было, что обряд демонического культа устраивали непосредственно в пределах буддийского монастыря. В теории буддийское учение не признает магии и по обычаю несколько чужается народной магической практики. Можно допустить составление гороскопа или изготовление охранительного талисмана; но совершение целого ритуала демонического культа на территории самого монастыря представлялось несколько неожиданным.

Но до Гара-якумы было исполнено еще два ритуала. Первый представлял собой «микроперахяру», когда серебряная ступа обносилась вокруг самого монастыря. Ступу выносили из чайтья-ге: от его дверей постелили белую дорожку, и по ней пошла процессия, только теперь в ней было заметно меньшее число участников. Первыми вышли барабанщики, за ними — мальчики с танцем ли-кели, несколько взрослых танцоров с исполнением кандийских танцев, после этого тот же самый ниламе-капурала с мечом, который он нес, держа горизонтально и слегка драпируя широким прозрачным красным шарфом с серебристой каймой. Рядом и следом за ним несли различные символы белой кандийской государственности и магически благоприятного смысла: круглые штандарты (*cécam*), копия, серебряные изображения капюшонов кобр, насаженные на шести⁹.

После небольшой паузы вышел мужчина в белой одежде (обычных брюках и рубашке). Он нес ступу на голове, на подушке и мягкой тряпочной прокладке. Следом снова понесли символы богов-покровителей: чакру, лук со стрелой, браслет, рукопись, обернутую белой тканью, и последней — ритуальную люльку. В промежутках шли барабанщики и танцоры. По мере продвижения шествия белую дорожку поднимали с земли и, забегая вперед, снова подстилали под ноги участникам процессии; под конец ткань была, конечно, мокрой и грязной, так как земля вся пропиталась дождевой влагой, а местами просто стояли лужи. Процессия уходила через боковой вход, а вернулась через главные ворота. Здесь она разделилась: группа участников пошла за ступой в «дом святыни», а другие по белой (хоть и не очень уже чистой) дорожке отправились прямо в храм Вишну. Туда ушла и часть танцоров — тех, что мы условно определили как девадаси, однако только юноши; мальчики же в храм не пошли. В «хвосте» этой группы внесли в храм рандоли. В храме юноши еще танцевали «для бога», который теперь вернулся в «свой дом» после обрядового обхода подвластной его опеке территории.

На крыльце храма Вишну тем временем был еще устроен дарующий благо и одновременно гадательный ритуал «кипячения молока». Это весьма известный ритуал, исполняемый и по другим поводам¹⁰. Молоко наливают в глиняный горшок и стараются вскипятить на определенном количестве топлива — тут нужны известная сноровка и хороший расчет. Если молоко вскипит и убежит — это хороший знак на целый год для всех. Пепел от сожженного топлива благостен, и его раздадут желающим. Но их было не очень много, и остатки

пепла высыпали в сторонке. Гадала и по погоде. В этот день было пасмурно и шел дождь — свидетельство того, что «накопилось множество грехов». Хорошим знаком станет, сказали мне, если во время дия-кяпима небо хоть немного прояснится. Впрочем, так и случилось.

Очажок в три кирпича и сам костер готовил тот же самый «ниламе от меча» (капурала девала Вишну), но теперь он был не в своем роскошном костюме, а просто в белом саронге. Он же пел заклинания вместе с барабанщиком, который и ударял в барабан, и подпевал. В заклинаниях были славословье богу и просьбы о покровительстве. Длилось все довольно долго. В дверях храма толпились верующие. Одна пожилая женщина вдруг как будто начала впадать в транс, танцевать, высоко подпрыгивая и воздевая руки, но быстро кончила.

Тем временем у входа в храм появился и Гара-яка в костюме, но пока без маски¹¹. После танца в храме он снова вышел из дверей уже «законченным» Гара-якой, т. е. закрыв лицо характерной маской. Вход храма Вишну находился почти напротив боковой стены и крыльца здания, где обитали монахи (там был и рабочий кабинет настоятеля). Монахи уже сидели под навесом крыльца. Туда и направился Гара-яка, а с ним барабанщики и зрители. Сначала «демон» молча танцевал довольно бурный танец, потом завел, как полагается, разговор с барабанщиками. Некоторое время Гара-яка как бы осваивался в этом мире, приспосабливался, в частности, к языку людей. Барабанщика он называл *гуруннансе* («уважаемый учитель»), но долго не мог выговорить слово правильно. Среди участников этого действия снова был капурала храма Вишну, теперь надевший еще белую рубашку, а на шею красный с бежевым шарф. Он тоже беседовал с Гара-якой. Для демона было устроено и угощение. Когда он «закусил», то, держа по пучку веток манго в обеих руках, стал обходить всех присутствующих. Держа ветки за обвязанные красной тряпочкой черенки, он стал обмахивать ими каждого, начиная с главного монаха (позднее и толпу зрителей) по рукам и ногам сверху вниз, перед монахами иногда вставая на колено. Изредка он делал и как бы благословляющий жест, т. е. «снял», «удалал» все дурное, все зло, а также, как мне объяснили, и усталость — ведь устройство перахяры отнимает много сил. Гара-яка же печется о здоровье.

Любопытна была реакция монахов: старшие сидели спокойно, некоторые даже посмеивались над комическими диалогами. Один же молоденький монашек почти отворачивался от всего этого зрелища, и с точки зрения традиционной буддийской морали он был прав, так как зрелища монахам по обычаю запрещались; это было одно из обычных правил монашеской аскезы. Тем более сомнительно их присутствие на действе магико-заклинательного свойства.

В конце подвели к крыльцу и слона без попоны — того, главного, который вез ступу. Оказалось, что лоб и «нос» у него светло-розовые, в крупных коричневых веснушках. А на его огромные бивни, теперь без наконечников, смотреть было жутковато: один из них чуть не подмышкой у меня прошел, так как слон совсем незаметно вошел своей тихой поступью прямо в толпу зрителей. Гара-яка и со слона «снял зло» и усталость, обмахнув его по хоботу ветками манго в направлении также сверху вниз. Кажется, эпизод со слоном был нововведением, навеянным, может быть, неожиданной гибелью кандийского Раджи. Кстати, когда в другой раз я была в этом же монастыре, то застала кормление главным монахом молодого слона, тоже розовоногого с веснушками (ему давали бананы), — видимо, то был запасной Раджа. Во всяком случае, он откликнулся на это имя, приподняв одно ухо и хвост, когда я застала его купающимся в бассейне, где он лежал на боку как бревно, а я хотела его сфотографировать.

Мы провели в монастыре несколько часов, примерно до пяти вечера. Все это время сюда приходили верующие, больше всего шли к дереву Бо и в девалы, зажигали светильники, несли цветы: очень часто огромные лотосы,

синие, белые, розовые. Входя на территорию, люди сдавали вещи и обувь в камеру хранения.

Рядом, почти у входа, был фонтан с несильной струей, построенный в форме капители Ашоки. Здесь набирали воду в горшочки, чтобы полить древо Бо¹². У ограды монастыря с внутренней стороны стояли лотки и киоски: шла торговля литографиями с буддийскими и индуистскими персонажами; продавали также жареный горох, детские игрушки, галантерею.

Очевидно, что описанная здесь перахьяра является идеальной иллюстрацией того, как в народном сознании и в традиционной ритуальной практике соединяются понятия и представления различной исторической давности, разных идеологических систем. Со всей наглядностью проявляется стремление хранителей буддийской веры поставить свое учение выше всех прочих народных воззрений (и это утверждается многими символами), хотя одновременно они не могут не считаться с неискоренимым убеждением людей в действенности магических обрядов «низшего» порядка. И им ничего не остается, кроме как, сохраняя за собой высшую ступень в иерархической лесенке, признавать и принимать также и все нижние. Более того, в данном случае было очень похоже, что усиленной пышностью перахьяры, обилием магических обрядов монастырь даже поднимал свой престиж¹³.

Из совокупности отдельных мелких впечатлений создавалось ощущение какой-то заметной индуизированности всего зрелища¹⁴, а также простонародной его архаичности. Очевидно было также, что здесь «собрали» как можно больше всевозможных средств магической защиты, персонажей разных народных культов, которых следует почитать или задобрить ради обретения благополучия и процветания. Возможно, что это диктовалось и особо острой социально-политической обстановкой, сложившейся в то время в стране, которая, естественно, воспринималась большинством людей как роковое несчастье. Была похожа перахьяра и на парад важнейших элементов традиционной народной культуры театрально-зрелищного свойства¹⁵. И все-таки главным было именно это: настойчивое, серьезное желание заручиться всей возможной поддержкой, в русле магических представлений, для преодоления всякого рода зла и обретения блага, т. е. сохранения самой жизни, здоровья, достатка.

Не случайно поэтому была так заметна роль демона Гара-яки и связанных с ним обрядов в ряду других ритуальных сцен. К этому герою я уже обращалась в своей статье «Тойил в Полгасовите», где, определив основное качество этого демона как хранителя (здоровья, благополучия, дома), отметила также его своеобразную двуполость — в сочетании мужского имени с женскими атрибутами в costume и поведении¹⁶. Это разительное качество ярко проявилось и у того Гара-яки, который в беланвилльской перахьяре шел почти в самом начале процессии, о чем говорилось выше. Это была огромная фигура, в два человеческих роста, и с двумя лицами: вперед глядела обычная, характерная (не спутать ни с каким другим демоном) маска Гара-яки, а назад — тоже маска, но изображающая женское лицо, розовое, круглое, с очень добрым выражением. Было очевидно, что, глядя вперед, персонаж как бы устремлялся и таким образом «обезвреживал» пространство перед собой, а глядя назад — излучал добро и благодать. Так что женственная сущность проявлялась уже не в элементах наряда или манерах, а непосредственно в личине. Кстати, костюм у данного персонажа в процессии был абсолютно невыразительным: некое подобие балахона, дабы просто прикрыть изображающих демона актеров (видимо, один стоял на плечах другого).

Удивительно, что, несмотря на явную маску Гара-яки, в толпе на мой вопрос, кто это такой, ответили, что это Брахман, или Брахма, и у него два лица, потому что он видит прошлое и будущее. А назавтра и в монастыре уже упомянутый гид объяснял мне, что персонаж этот — Махабрахман: «...театральное, — подчеркнул он, — воплощение Махабрахмы, творца мира». Он же сказал, что у «настоящего Махабрахмы» «на самом деле» четыре лица,

но здесь уж, мол, изобразили только два. И первое, мужское — грозное, а в женском лице запечатлеваются такие черты Махабрахмы, как милосердие, доброта, мягкость и т. п. В связи с заметно индуизированным «уклоном» трактовки образа я решила задать прямой вопрос, употребляя индуистский же термин: а не ардханари¹⁷ ли это? И хотя мне ответили утвердительно, чувствовалось, что образ ардханари очень далек от представлений о данном персонаже, а утвердительный ответ можно расценить как дань уважения почетному гостю. Так или иначе, подтвердился двойственный характер персонажа: устрашителя, с одной стороны, и хранителя-защитника — с другой. А именно это — специфическая черта Гара-яки в отличие от многих других сингальских демонов. Считается, в частности, что присутствие его маски (или статуэтки, какие иногда тоже делают) в доме допустимо, безопасно, тогда как никто, пожалуй, не поместит у себя маску Махасоны или Калукумары¹⁸.

Обычно трактовку ритуала с участием Гара-яки увязывают с мифом об инцесте, известном под названием мифа о Гири-деви. Существуют, по-видимому, несколько вариантов мифа: во всяком случае, в том, как они зафиксированы в публикациях Н. Д. Виджесекеры и П. Вирца¹⁹, мы обнаруживаем разницу в названиях страны, к которой относят происходящее в мифе, в некоторых именах собственных, а также в определенных акцентах и деталях повествования. Тем не менее главное содержание сводится к следующему: у царя с царицей в одной из стран Индии родились дочь и сын (вариант — в другой последовательности: сын и дочь), которым от рождения предначертано вступить в будущем в преступную половую связь. Как ни стараются родители изолировать детей, предотвратив их встречу, предсказанное сбывается. Сознавая весь позор и ужас случившегося, сестра кончает жизнь самоубийством, а брат превращается в кровожадного, ненасытного демона. Во всех деталях своих миф достаточно сложен и многозначен: здесь прослеживаются черты и космогонического, и царского сюжетов²⁰, обнаруживается также и типичная схема обычной сингальской демонической легенды. Поиск новых вариантов мифа, анализ его содержания (в частности, и в сравнении с другими легендами демонов) имеет специальный интерес. Любопытно, например, осмысление самих имен героев: имя царевны — Гири-деви можно перевести как «богиня/царица гор»; ее брата — Дала-кумара в современной народной этимологии трактуется как «клыкастый царевич»; может быть, первоначально это имя означало и нечто иное, например «царевич вод» (сингальский язык позволяет и такое истолкование). Но это особая тема.

В данном же случае следует подчеркнуть, что реально нет прямой связи между мифом, который является как бы историческим толкованием возникновения персонажа Гара-яки, и непосредственным ритуально-магическим смыслом обрядов с участием данного демона. Само содержание легенды о Гара-яке, видимо, не обязательно изображается театральными средствами в этих обрядах²¹, хотя, вероятно, и сознается как предыстория их главного персонажа. Наиболее существен в ритуальном плане сам магический статус персонажа, а в случае с Гара-якой на первом месте, безусловно, функция защитника, опекуна, хранителя.

И если в ритуале, наблюдавшемся мною во время тойила в Полгасовите, Гара-яка выступал прежде всего как добрый домовый, то в обрядах беланвилльской перахяры, кроме того, что это его основное качество было подтверждено, его функция хранителя проявилась неоднократно в еще более обобщенном смысле. По-видимому, исторически это сложный образ. Так, автор Т. Гунавардена называет Гара-яку богом, а не демоном, выделяя целый класс «богов гара»²². О множественности этих персонажей говорит и материал П. Вирца: здесь приводится список демонов — спутников Гара-яки, все их имена включают в себя элемент *gара* (этимологически пока неясный)²³.

Следует отметить еще один важный момент: что устройство и проведение ритуалов и обрядов в живой и развитой народной практике нередко гораздо

менее консервативный процесс, чем это может представляться исследователю. В этой области тоже возможно творчество, варьирование, хотя, разумеется, оперируют элементами определенной валентности в магико-символическом смысле. И все-таки жрецу не «заказана» известная доля выдумки, «самодетельности». Это я сама наблюдала не только в культовых ритуалах, но и в свадебном обряде. Тем более такое театрализованное зрелище, как перахьяра, по-видимому, даже диктует необходимость какой-то творческой самостоятельности и новых подходов.

Примечания

¹ См. об этом: *Raghavan M. D. Ceylon: a Pictorial Survey of the Peoples and Arts. Colombo, 1962; De Silva L. A. Buddhism: Beliefs and Practices in Sri Lanka. Colombo, 1974; Краснодарская Н. Г. Традиционное мировоззрение сингалов (обряды и верования). М., 1982; Арутюнов С. А., Жуковская Н. Л. «Святые реликвии»: миф и действительность. М., 1987.*

² Кстати, главная функция Вишну и на Ланке — хранителя мира.

³ Чайтья ге — здание на территории монастыря, где помещаются статуи Будды и другие священные реликвии и предметы.

⁴ Это так характерно для ланкийцев при нормальных обстоятельствах: даже в большой толпе умение сохранять сдержанность, внимательность к соседу, веселиться без аффектации.

⁵ О символике рандоли см.: *Краснодембская Н. Г. Указ. раб. С. 144—145.* Так как ритуальная люлька была со всех сторон занавешена, не было видно, помещалось ли там само изображение Вишну.

⁶ О кавади см. *Anderson M. H. Note on the Kavadi Ceremony among the Hindus in Ceylon // Journal of the RAS. 1908. V. 2. P. 3.*

⁷ Ниламе — высший придворный титул, существовавший при дворе кандийских царей; означает «глава», «вождь». Ныне это также эпитет, применяемый в отношении главных жрецов крупных девалов; их называют еще и «баснаяке-ниламе», что означает примерно «главное лицо, ответственное за чтение молитв и заклинаний».

⁸ Большие и маленькие колокола и колокольчики имеют ритуальный смысл в культовой практике у многих народов Южной Азии. В частности их звон — одно из первых средств привлечения внимания богов. Так что в магической символике эти предметы имеют весьма благоприятный смысл и могут выполнять роль своего рода талисманов.

⁹ Эти предметы в сознании верующего сингала связываются прежде всего с легендой о том, как однажды могучий змей-нага, исполненный восхищения перед нравственным величием Будды, укрыл его от дождя своим капюшоном. В то же время нельзя не припомнить, что наги, в частности, «змеиный трон», фигурируют и в цикле легенд, связанных с Вишну.

¹⁰ Например, при сборе нового урожая, что совпадает и с празднованием Нового года.

¹¹ Маска Гара-яки очень характерна: зеленое лицо со слегка крючковатым носом, невысокая «корона» обычно из трех капюшонов кобр, оскаленный зубастый рот (но, как правило, словно бы улыбающийся); два изогнутых клыка иногда изображаются, иногда нет. Характерны большие уши в виде желтых розеток — цветков лотоса. Костюм обычно содержит юбку (или юбки разной длины, с воланами) и кофточку типа женской.

¹² В те же дни в монастырях совершались и особые пуджи (поклонения) дереву Бо. На мой взгляд, это еще одно подтверждение, наряду с обрядом «разрезания воды»; календарной символики, символики плодородия, которая лежит в основе праздника эсала.

¹³ Который, кажется, и так достаточно высок: косвенное подтверждение тому — открытка, которую в те дни продавали в ланкийских магазинах. Это была фотография, изображавшая группу монахов, которую возглавлял махатхера (настоятель) храма Зуба Будды, а следом за ним сразу шел главный монах беланвилльского монастыря. При том значении, какое в ланкийском обществе имеет иерархия (в том числе и в монастырской жизни), этот факт вряд ли случаен. Кстати, и само событие беланвилльской перахьяры нашло достойное отражение в прессе, чего удостоивается не всякий монастырский праздник.

¹⁴ К сожалению, пока не удалось выяснить, не было ли в данном месте до постройки самого монастыря какого-нибудь храма, например, посвященного именно Вишну.

¹⁵ Правда, никаких мастеров и с изделиями своего ремесла, как это, по описаниям, бывало в прежние времена в кандийской перахьяре, здесь не было.

¹⁶ См. *Краснодембская Н. Г. Тойил в Полгасовите (о символике обряда демонического культа сингалов) // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986. С. 193—195.*

¹⁷ Ардханари — в индуизме способ изображения божества одновременно в мужской и женской ипостаси (например, вместе Шивы и Парвати); иконографически это выглядит как соединение в одном персонаже мужских черт в одной половине и женских — в другой.

¹⁸ Соответственно демона кладбищ и Черного царевича, смертельно опасных демонов; или также демона 18 болезней Махаколасання. Кстати, в ланкийских магазинах для туристов появились маски последнего в интересной модификации: в сочетании с маской Гара-яки, который своим

«присутствием» как бы обезвреживает грозного демона. Вот еще одно подтверждение, что Гара-яка — демон добрый.

¹⁹ *Wijesekera N. D. The Myth of Giridevi Kathava in Ceylon//Man, 1943. V. 43. № 14; Wirz P. Exorcism and the Art of Healing in Ceylon. Leiden, 1954.*

²⁰ Ср. *Пронн В. Я. Эдип в свете фольклора//Пронн В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 258—302.*

²¹ Хотя, разумеется, может быть и разыграно таким образом, как это описано в указ. труде П. Вирса (с. 133—135); кстати, чем обширнее и подробнее зрелище, тем оно дороже (что отметил и сам исследователь). И еще о нормах и ограничениях в связи с проведением ритуалов, связанных с Гара-якой. П. Вирц писал, что их устраивают после полудня с продолжением до следующего утра и что исполнять их может только бандханая — жрец сингальского «астрологического» культа. А мне привелось увидеть эти ритуалы и ранним утром, и под вечер, и участвовали в них как каттандии (эдуры) — жрецы демонического культа, так и капуралы, как уже отмечено мною выше.

²² *Gunawardhana Th. Ravana Dynasty in Sri Lanka. Dance Drama. Lahore; Rawalpindi; Murree, 1971. P. 37.*

²³ *Wirz P. Op. cit. P. 132.*

Festival Procession in Belanville Monastery and New Meeting with Demon Gara-Yaka

Own authors' impressions of seen in 1988 in Sri Lanka one of the most popular Sinhalese annual festival — Perahdra — are reflected in the article. This festival procession organized in honor of patron gods, whose cult accompanies to Buddhism. The meaning of this festival and its action in Belanville monastery, situated not far from Colombo are described; author tries to solve the meaning of some characters. Especial attention is paid to one of final ceremonies — Gara-Yakuma (gratify one of important Sinhalese demons Gara-Yaka). Author marks an essential hinduisation of the festival and its archaic simplicity. In conclusion author notices that custom leaving tradition is not a conservative process but demands an invention and new approaches.

N. G. Krasnodembskaya